

Священный долг советской литературы

Два года назад было принято историческое решение ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Постановление ЦК ВКП(б) и доклад тов. А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» явились историческим вехом на пути развития советской литературы. В них четко сформулированы великие задачи, стоящие перед нашей литературой в эпоху постепенного перехода от социализма к коммунизму. Они высоко подняли значение советской литературы, как самой передовой, самой идейной, самой революционной и демократической литературы мира, «у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства».

Центральный Комитет партии подверг резкой критике работу редакций ленинградских литературно-художественных журналов «Звезда» и «Ленинград». Эти редакции допустили проникновение на страницы журналов чуждых и идейно отклонившихся произведений, произведений упаднических, культивирующих не свойственный советским людям дух разложения, переход к буржуазной культуре, спланировали требования к художественным качествам публикуемых материалов.

С большевистской ясностью были вскрыты в постановлении корни этих ошибок. Руководители редакций журналов «Звезда» и «Ленинград» допустили, что наши журналы, являясь не только научными или художественными, но могут быть и политическими, должны в основу своей деятельности не интересов коммунистического воспитания советских людей и политическое направление литераторов, а интересы личные, приятельские.

Постановление ЦК ВКП(б) точно определило ответственную роль наших журналов, как могучего средства Советского государства в деле воспитания советских людей и в особенности молодежи.

Перед нашими писателями была поставлена задача воспитывать в советских людях высокое чувство советского патриотизма, показывать новые качества советских людей, «показывать наш народ не только в его сегодняшней жизни, но и в заветных глубинах его истории» (А. А. Жданов). В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года и последовавших за ним постановлений о театре, кино, музыке была дана развернутая программа решительного наступления на растущую культуру современного буржуазного Запада, разоблачения всех и всяческих проявлений враждебной идеологии — апологичности, безыдейности, буржуазного национализма, объективизма и формализма.

Народ, государство, партия потребовали от своих писателей активного вторжения во все стороны советского бытия, последовательного осуществления принципа партийности в своей работе, подлинной большевистской воинственности и идейности.

Вдохновляющее влияние исторических указаний партии со всей силой сказалося на том новом подъеме всей многонациональной советской литературы, свидетелем которого мы являемся. Значительно оживилась работа писательских организаций, помыслилась творческая активность писателей. Постановление ЦК ВКП(б) вызвало широкий приток в литературу новых талантливых молодых сил, принесших с собой новые темы, мысли и чувства. Во всех братских литературах Советской страны и особенно в русской литературе появились патристические произведения, ставшие своей целью осмыслить и обобщить народный опыт Великой Отечественной войны, изобразить и обобщить героизм народа, возмощающего величайшее знание коммунизма.

Новый подъем нашей литературы значительно повысил ее роль в общественном деле строительства коммунизма. Но этого недостаточно. Нам нужно изобилание духовной культуры, в богатстве которой партия видит одну из главных задач социализма. Наша литература еще только подошла к решению важнейших задач современности. Тема советского патриотизма, главная тема советской литературы, еще не получила достойного освещения. Образ коммуниста в произведениях наших писателей еще не стал живым олицетворением нашей партии — вдохновителя и организатора побед советского народа.

Одна из важнейших тем нашей литературы — тема рабочего класса, ведущего класса советского общества, также почти не затронута нашими писателями. Тот новый этап в жизни рабочего класса, который характерен для послевоенной сталинской пятилетки, еще не нашел в литературе всестороннего отражения.

Редакции отдельных журналов за последнее время ослабили большевистскую бдительность, позволили требованиям к печатаемому материалу. Среди работников этих журналов отсутствует большевистская критика и самокритика, проявляется самоуверенность и зазнайство, что приводит к возрождению безыдейности и приятельских отношений. Об этом свидетельствует, например, появление в журнале «Звезда» гнилой повести Н. Мельникова «Редеющая». Журнал «Звезда» поместил порочную повесть К. Ванина «Отец» и представил свою «Грибную писателю» как путаную, политически вредную выступления П. Бершгиря. Редакция «Октября» совершенно ликвидировала отдел библиографии и не только не вел борьбу с буржуазной культурой и пережитками буржуазной идеологии, но превратила свой отдел критики из боевого средства борьбы за идейную высоту советской литературы в отдел восхваления собственных заслуг и «своих» авторов. Редакция украинского журнала «Дніпро» опубликовала на страницах журнала политически вредную, клеветническую повесть Н. Шенюхи. Подобные факты свидетельствуют о серьезном неблагополучии в редакциях некоторых литературно-художественных журналов, об отсутствии большевистского руководства и контроля над ними со стороны Союза советских писателей. Союз советских писателей не уделяет должного внимания руководству и воспитанию молодых писателей. Работа творческих секций и комиссий Союза протекает вяло, в ней нередко отсутствует идейная направленность, в обсуждениях не изжиты проявления вкусовщины.

Итак в ногу с насущными потребностями Советского государства и народа — священный долг наших писателей. В первую очередь приближения советского общества к коммунизму, в дни героического трудового подъема советских людей, более чем когда-либо, нетерпимо даже малейшее отставание от требований жизни. Наша социалистическая действительность, высокие идейные и нравственные качества советских людей, величие побед партии Ленина — Сталина — неисчерпаемый источник творческого вдохновения для писателей.

Решения Центрального Комитета партии по вопросам литературы и искусства указали нашим писателям и литературным организациям стовую дорожку развития нашей литературы. Неуклонно следуя по этой дорожке, решительно борясь с вредными пережитками буржуазной идеологии, последовательно осуществляя каждое положение этих исторических решений, советские писатели создадут произведения, достойные нашего народа, и оправдают доверие великой партии Ленина — Сталина.

Александр ЖАРОВ

МОРСКАЯ ПЕСНЯ

Гордо стоят корабли у причала,
Берег высокий застыл в тишине...
Вспомним, матросы, как море качало
Нас на своей беспокойной волне!

Вспомним, друзья, как в денки штормовые
Пламя метал оружий стволы...
Флотскую славу Советской России
Честно хранили морские орлы.

Честно в горячих боях умножали
Флотскую славу народа сыны...
Смело глядя мы в бескрайние дали:
Нам никакие враги не страшны!

Дальние молнии нас не пугают.
В полном порядке оружий стволы...
Флаги отцены над морем сверкают,
Нам никакие враги не страшны!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 65 (2448)

Суббота, 14 августа 1948 г.

Цена 40 коп.

В долинах Качи и Альмы

П. ПАВЛЕНКО

Специальный корреспондент
«Литературной газеты»

С холмистого плато Бахчисарая сбегают к морю три крохотные по среднерусским понятиям речки — Альма, Кача и Бельбек. Три узкие речные долины образуют три узких оазиса, зелеными потоками текущих в глубоких оврагах через сухие, каменистые возгоры до самого берега моря.

Лишь острые вершины холмов, как уши, торчат из оврагов над мутножелтой степью, дрожащей от нестерпимого зноя. Хлеба почти все убраны, только овсы достают свои последние дни, да розово-фиолетовый шалфей наполняет трескучий от жара воздух своим сонным запахом, да яркожелтые, точно отапливаемые круги подсолнухов чисто и как-то звонко сияют в знойной оуде дня.

Таких хлебов, как в нынешнем году, давно не знал Крым. Даже на севере, у Перекопа снимают нынче урожай податливых кубанских, а в степях поживнее урожай, после двух неблагоприятных лет, ворвался в жизнь, как сущее извешение, которого, хотя и ждали, но все же не думали, что он будет таким обильным.

В крымских степях хозяйство зерновое, в предгорьях же — комбинированное, смешанное, — поля и сады, плантации винограда, табака и эфиромасличных культур образуют здесь сложный хозяйственный профиль.

Не успели убрать черешню, подоспела шиповника, не успели раздаться с нею, как подхватили овсы, за ними гречиха, помидоры, кабачки, ранние груши и персики; приближается пора аблок, подсолнуха, кукурузы, и все лето, до глубокой осени будет отлетать к себе рабочую силу табак, этот король предгорных и южнобережных холмов.

Дни не имеют начала, не знают конца. Нет напряженнейшего, полное радости и надежды, страстного, в котором мало отставших и совсем нет, как в прежние годы, равнодушных.

Долина Качи длиной всего километров в двадцать пять, холмы названы на вилки реки, как бусы. Белые и голубые домики то и дело выскакивают по одному на шоссе из глубин старого двадцатиклометрового сада, по низу расчерченного оврагами и балками. Тут, собственно говоря, две производственные площадки, одна на земле, другая — в воздухе, на ветвях деревьев.

Бросаются в глаза то новая крыша, то овария, то еще не достроенный птвичник, то палеска, еще не заселенная пчелами. За хатами — высокие скиры сена — пошатываясь в крымском ландшафте.

Нигде — ни души. Ни голосов, ни песен, ни дая осы, ни шума машин. Все как бы спит, точно над миром непробудная солнечная ночь. Даже речные тмыки из труб замерли в воздухе, плыва, но не растворяясь.

Вот аблок, каждая с тонной еще не снятых плодов. Тонкие «чатали» окружают каждую дорожку в тропишке стволы, а они, знающие от плетения, доверчиво обвивая их своими усами от напряжения ветвями, и будто висят на них, а не стоят на земле.

И старые груши тоже развешены на подпорах, и вишни.

Проवेशь ветерок, прыгнул на ветку скворец — и плоды, которым тесно друг подле друга, посыпятся на землю.

В селце Вилешеве, почти у выхода Качи к морю, — холмы имени Андреяча. Председатель колхоза, Евфросиния Ивановна Колоняникова — женщина лет под пятьдесят, мать десяти детей (из них трое погибли на фронте) и бабка трех внуков. Она «сперваказанная», как сама о себе говорит, холкозница, а уже десять лет ходит в председатели, иначе говоря, опытный профессионал, руководитель сложного предприятия, каким стала сельскохозяйственная артель.

Хозяйство небольшое, но честное: тридцать три гектара пшеницы, двадцать шесть — овса, двадцать шесть — винограда, семнадцать воюм гектаров садов, двадцать — огородов, шестнадцать гри улья пчел, немалое скота. Работников все всего сто четыре человека вместе со школьниками.

Виноград связывает артель с соседним амкопобината «Массандра», фрукты в олопи — с консерватором, лаванда — с эфиромасличными заводами. Проблема каждой каждой ола продукции, знакомство с технологией переработки их, точное знание, для чего производится то или другое и что из него получается в промышленности, — все это приближает холкоз имени Андреяча к сырью цеху нескольких заводов сразу.

Здесь вырабатываются не просто агурцы, а агурцы для засолки и маринада или корняшоны, нездоровые маленькие агурчики, которые не имеют права быть крыжыми и кособоками, ибо не влезают в банку. Здесь знают, что нет винограда вообще, а есть сорта столовые и винные и что из винных ола идут на изготовление шампанского, и им нужна одна сахаристость, а другие — на лаверные вина, и тут нужна другая сахаристость, другие качества.

Председателю холкоза нынче приходится время от времени «поучковывать» и ослы, и клубы, и кинопроектор.

Без хорошего клуба нет хорошей работы — это теперь понимают любой. Нет хорошей работы и без селько. Проблема голодного платочка, которым молад холкозница любит шизо прикрыть доб, чтоб не выгорал брови, — не проблема селькоства, а «творческие условия», как говорит Евфросиния Ивановна Колоняникова.

Слова о ней в районе, как о женщине суровой, нажимистой и неостязчивой. О ней с уважением говорят: «холкозца»!

Наскоро перебежав на скляную юбку и белую блузку с прошивками и накнув на голову синий с белыми глазами шелковый платок, Евфросиния Ивановна чуть проищески рассказывает о холкозных делах. На вопросы она отвечает скромно, приуменьшая успехи и, на всякий случай, время от времени прибавляя: «Могли бы, конечно, лучше, сама созвала...» Когда нужно привести какую-либо точную цифру, она как бы припоминая ее. Но вскоре оказывается, что она все решительно знает на-изусть, и когда доходит дело до рассказа о том, как она покупала в Симферополе лес для пчельника и как ее пытались науте кыше-то складские делцы, становится понятно, почему о ней идет гордая слава.

С таким деятелем, как Колоняникова, ни одному бюрократу, да если он к тому же и не чест на руку, связываться нет никакого смысла.

Для нее не представит труда позвонить председателю облисполкома или секретарю обкома, или даже претянуть к ним лично и сказать, садясь в кресло: «Хоть гони, а не уеду, пока лесом мне не поможет».

И вернется обязательно с лесом.

Колоняникова даже о самой себе говорит «мы».

— Мы договорились с райпотребсоюзом.

Лет: — Мы уж имеем опыт, знаем.

У нее нет ничего своего отдельного, она «мы» — мы.

Вопрос о том, каким будет трудоемкий, всегда неприятно корыб холкозных руководителей. Его боится, как морая, — расспросов о сроке прихода корабля в порт.

— Располагаем, — осторожно отвечает Евфросиния Ивановна, отирая губы красной платкой, — рублей по пятнадцати олами деньгами, да ошвед по 500 грамм, да меду по сто грамм... Ну, да равно еще считай!.. В нынешнем году о трудовыя работы нет, когда есть семья — по две тысячи трудоем на счету! Другая жалованья напала, — стропыся и стропыся, хоть бы што!

В прошлом году, — продолжает она, — кожу по салу, по огороду, прямо же за что записывается, а в этом — гла, ни пробы — досыта позлаправилась. Тут мы и увидели, какой он есть, Крым, когда даст, что положено. Это же разве можно было поверить!

И слово, только что шутливо произнесенное, — жалованье, — уже облекается дерзкой мечтой. Хочется записать на будущее года изобилие нынешнего года, похвалить природу под узы и не дать ей попятиться назад, как порокущему коню.

Омолвить сады, расширить площадь под овшами, увеличить овария в пчельник, поучать о лучшей системе полива, о лучших приемах агротехники.

Успех всегда делает человека храбрее в предпринимательстве, открывает в нем дополнительные запасы энергии, а успех этого года таков, что делает чудеса с людьми.

Холкоз имени Андреяча — переселенческий. Его состав — оравцы и бранцы, извечные хлеборобы. В старое время им понадобилось бы не одно десятилетие для «обжывания» на новом месте. А сейчас, спустя четыре года, люди успели уже забыть, что они переселенцы.

Многое, конечно, и оттого, что под Севастополем каждый русский человек считает себя на коренной родине. Сколько оровских и брянских мужиков сложил свои кости в дни первого Севастополя в узких долинах Качи и Альмы, где теперь раскинуты холкозы, у мыса Лукулла, где ныне купаются шоперы, и на виноградниках Буркина, вошедшего в историю Альминского сражения...

Немало было среди брянских и оровских холкозников и участников славных оборон, а затем штурма Севастополя в дни Великой Отечественной войны. Места эти глубоко русские, памятные и по старинным солдатским песням, и по сводкам Информбюро.

— А вы наше море-то видели? Были на нашем море? — рассказ о делах холкоза, вдруг спросила Колоняникова и, узнав, что не были, по-старшечьи приказала руки в вискам. — Да сейчас же поехали, сейчас же. Нашего ж моря нигде нет красивее! — точно это море она сама приговорила для самых дорогих гостей.

Берег здесь в самом деле не хуже евангельского пейзажа. Невадзек, за скалой, за юге, — Севастополь. Долина Качи — место ожесточенных боев 1854, 1941 и 1944 годов. Земля вобрала в себя, изгадила воронки и окопы, и только деревья с отравными верхушками и перелетными ветвями да развешенные шизо и домы еще кое-где напоминают о неспящей войне. А ведь четыре года назад кача Качинская долина была сплошной тропицей. Оди на участках обороны, а потом и штурма Севастополя, претсав нынче в отпуске, так и не узнав, где ералаша. Зеленый поток салов все поглотил в себя.

Крым, куда бы вы ни заглянули в него, всегда производит впечатление дачи, еще только шущей своего призвания. Он полон неожиданностей. Его считают горной страной, в то время как настоящие

горы занимают здесь не более пяти процентов территории. Крым — сад-степь, окруженная морем.

Между устьем Качи и устьем Альмы на сухих холмистых равнинах наперегонки зреют шиповники, кукуруза, подсолнухи и виноград. Ираненные войною лозы медленно восстанавливают силы. Но это их парство, их простор. Степно-морской воздух прилетает здесь виноградом селым, утиительно тонкий вкус и как бы второй аромат, почти неуловимый в ягодах и созревающий уже в вине. Но стоит у Берегового спуститься в долину Альмы, как узкая траншея реки сожмет вас в гущине старых и молодых садов, и весь строй жизни напомнит прикубанские степи. И снова запах лаванды. И снова пчелы, которым некогда жалить, измывающие от труда и оттого разволнувшие к человеку. А к вечеру — приятный запах укропа, незаметный запах русских деревень перед закатом солнца!

В долине Альмы холкозы расположились один за другим. Не успевая выехать из села, как везаешь в следующее. Новые крыши, новые стены, молодые сады, пары под олами на гребнях вверх, плантации под виноградными плантациями на склонах, и омы, отдыхающие у воды, и шум машин, гудящих дневной урожай.

Холкоз имени 1 Мая ведет отставной офицер Николай Иванович Медведев, дошедший с доским корпусом до австрийских Альп, а после демобилизации приехавший след за своей семьей в Крым. Высок, чуть-чуть сутулый, он слушает ообщения из бригад, первое размина в руках потаскушу пилоросу. В нем бродит азарт ведущего бой командира. Положение сложное. Холкоз дал обещание товарищу Сталину собрать 480 пудов фруктов с гектара и — выполнит свое обещание, но в тот день, когда я был в холкозе, холкоз еще не весь саж, холкоз еще в поле, а на краю неба сегодня свисают дождевые тучи, грозят непогодой, транспорт же в разное, и нет ни одного свободного человека.

Но именно сейчас, когда урожай захватывает холкозы, председатели прохают повышенную школу организаторов производства. Не слышно ни одной жалобы на район или область, ни просьбы «наказать» на кого-то или упрекнуть кого-то о чем-то, ни сожаления, что что-то обошел и вдруг пошел, — как не могло бы этого быть на войне в разгар боевой операции.

Нельзя сравнивать а бывшего кадровика-артиллера Медведева с испонкой крестьянки Колоняниковой, и мне кажется, что она больше напоминает офицера, чем он крестьянина. Вообще, между нами больше схожества, чем различия. Оба они — люди одной снелчальности и одного уровня, переловые сельские интеллигенты совершенно новой формации.

Медведев за долгую службу в Советской Армии наваярка приабыл много из сельской практики. Его ведут не воспоминания детства, а курсы председателей холкозов. Он обращается не к отцовскому опыту, а к книжкам. Незадолго до начала уборки он приехал к себе профессора Колесникова, опытного крымского садовода, чтобы показать, как он ведет свои сады, как ухаживает за ними. Профессор похвалил. И оба они, профессор и его слушатель, стали думать над тем, как организовать на будущий год систему полива садов, чтобы закрепить богатый урожай.

Николай Иванович Медведев ставит много интересных вопросов.

— Как быть с учебой председателей? — спрашивает он. — Председатели холкоза, помимо курсов, должны иметь возможность учиться заочно. Но где и как? Заочником сельхозинститута не всякий сможет быть. Надо поучать о специальных заочных курсах для холкозного актива.

Председатели холкозов мало что едят, кроме своих хозяйств. Хорошо бы организовать их раз два-три в год на областные совещания для обмена опытом.

— Деревне нужен свой хороший журнал, где бы писали и ученые, и писатели, и холкозники, рассказывали бы о научных новинках, о местной агитации, об отдельных мастерах урожая, о культуре социалистической деревни. У каждого теперь мыслей много, а похвалиться ими негде.

Слушая Медведева, невольно перенесся я мыслями в южнобережные холкозы Крыма, где, с месяц назад, проходил областное собрание, посвященное борьбе с холерой. Как много там говорилось о культуре, о морали, о человеческом достоинстве, о трудовой славе! И многое, выдуманное месяц тому назад в другом месте, теперь повторялось в словах Медведева.

Там, в холкозе имени Калининна, близ Ялты, холкозник Бабий сказал:

— Я этого разговора с холерой три года ждал, три года его во мне видел. По моему и выплыл. И потому выплыл, что я, как честный человек, вперед на гол, на два вилку. Язынь свою я сам строю, она, как дите мое. А о пите всегда вперед думал, как оно покажет себя в шиме пале на деле. У матери дите еще грубь совет, а она об-нем, как о механизме или о летчике, мечтает. Так и я свою язынь нянчу, да в уме прикидываю, как она у меня поастрит и себя покажет... и завлекает меня красота ее...

Красивой в заглядывающей далеко вперед становится жизнь холкозной деревни, даже на примере жаленных холкозов в долине Качи и Альмы, где четыре года назад единственными следами жизни были пахоты смерти.

КРЫМ.

На страже морских рубежей

Завтра утром на рейдах нашей страны властно прозвучат боиманские дудки и по большому сбору на палубах боевых кораблей построится военный моряк.

Вместе с ним встретит День Военно-Морского Флота Союза ССР весь советский народ. Каждый советский человек мысленно будет с теми, кому страна вручила почетную вахту — охранять морские рубежи нашей Отчизны.

Советский Союз, возмывает демократическое страны в их борьбе за прочный, длительный мир. Советские люди внимательно следят за всеми маневрами международной реакции на морских коммуникациях. Военно-Морской Флот твердо охраняет государственные интересы СССР.

Мы свято храним в наших благодарных сердцах память о тех, кто растил и строил наш флот — о русском ученом Н. Е. Жуковском, об изобретателе радио А. С. Попове, о Герое Социалистического Труда академике А. Н. Крылове.

Нам дороги те, кто на весь мир прославил родной флот — герои Гангута и Синопа, герои Севастопольской обороны и Порт-Артура.

Мы верны славным революционным традициям матросов броненосца «Потемкина», крейсера «Аврора», возвестивших миру начало Октябрьской революции.

Не померкнут в веках героические подвиги моряков в Великой Отечественной войне советского народа с немецко-фашистскими захватчиками.

С какой гордостью, с каким огромным удовлетворением по всей нашей стране советские люди вспоминают слова И. В. Сталина: «На Балтийском, Черном и Баренцевом морях, на Волге, Дунае и Днепре советские моряки за четыре года войны выписали новые страницы в книгу русской морской славы. Флот до конца выполнял свой долг перед Советской Родиной».

Завтра отразит День Военно-Морского Флота демобилизованный моряк гвардии Герой Советского Союза С. Агафонов, работающий сейчас в Москве мастером цеха жестяноштамповального завода. Всеми помыслима будет о моряках бригад слесарей-монтажников ленинградского завода «Судмех» моторист катера балтине Н. Агеев. Праздновать будет вся его «флотская» бригада: слесарь Савицкий с подполковником, монтажник Сухов с катера и слесарь Романов с трамвайщика.

Миллионы советских людей отпразднуют День Военно-Морского Флота. Нам народ любит флот и ценит моряков за их мужество, за их горячие сердца, за беззаветную преданность Родине. С глубоким уважением говорят в городах и холкозах о советских моряках — людях настоящей культуры, постоянно расширяющих свой умственный кругозор, жадно впитывающих марксистско-ленинскую теорию, ведущую к новым великим победам.

Моряки изо дня в день совершенствуют свое военное мастерство, постоянно изучают опыт Отечественной войны, еще выше поднимают морскую культуру, дисциплину и организованность. Тысячи советских вношей мечтают о флотской службе.

С воодушевлением думают они о той минуте, когда им впервые доведется подняться по корабельному трапу. Многие советские люди овладевают сейчас искусством морского дела с помощью Всесоюзного добровольного общества содействия Военно-Морскому Флоту. Многие поочерпую свой интерес к флоту в литературе, в театре, в кинокартинах, где рассказывается о героических делах флота, о его полных захватывающего интереса буднях, о людях, по праву завоевавших всенародную любовь.

Советское искусство создало ряд произведений, посвященных величественной истории русского флота, славным революционными традициями моряков, героическим их делам во время гражданской войны, легендарными подвигами в годы Отечественной войны.

В «Севастопольской страде» С. Сергеева-Ценского, «Пусице» А. Новикова-Прибоя, «Порт-Артура» А. Степанова, кинокартине «Броненосец Потемкин» С. Эйзенштейна и многих других с большой силой рассказано о славном революционном прошлом нашего флота.

«Разлом» В. Лавренева, «Мы из Крошхатта» В. Вишневского и другие воссоздают незабываемые картины участия моряков в событиях первых лет революции. Шпаны из «Любови Яровой» К. Тренева, братишка из «Штурма» В. Билль-Белоцерковского, Году из «Разлома» В. Лавренева — до сих пор любимые образы советских моряков, всего народа, где рассказывается о героических делах флота, о его полных захватывающего интереса буднях, о людях, по праву завоевавших всенародную любовь.

Десятки писателей были во флоте во время Отечественной войны. «Морская душа» Л. Соболева. «За тех, кто в море!» В. Лавренева, «Офицер флота» А. Крона, «Морское братство» А. Золкина, «Студеное море» Ю. Германа — это только часть произведений, написанных о героических делах советских моряков в годы Отечественной войны.

К сожалению, за последнее время наши писатели все меньше и меньше интересуются морской тематикой. У нас нет ни одного полноценного произведения о сегодняшнем деле флота, о тех исключительных по своему значению процессах, которые происходят во флоте сейчас и которые не могут не привлечь к себе внимание писателя.

В прошлом году, поэтесса крейсер «Молотов», товарищ Сталин сказала своим спутникам: «Познакомьтесь поближе с жизнью, питанием, обмундированием и бытовыми условиями моряков. Они достойны, чтобы о них хорошо заботились».

В этих словах заключается сталинское отношение к людям. Это наказ всему советскому народу, который с радостью и любовью заботится и будет еще больше заботиться о своем флоте и его людях. Этот наказ полностью адресован также нашим писателям.

Обединенные в добровольное общество содействия Военно-Морскому Флоту (ДОВМФЛОТ), советские люди внесут свой вклад в дело укрепления нашего флота.

В День Военно-Морского Флота граждане великого Советского Союза поздравляют военных моряков с их праздником и вместе с ними приложат все свои силы для того, чтобы выполнить наказ великого Сталина — сделать свой флот еще более сильным и могучим!

Федор ГЛАДКОВ

В погоже августовские дни особенно остро ощущаешь, как мало зелени в наших городах и селах, как мало мы еще сделали для украшения улиц и площадей. В эти дни хорошо почитать о шестидесятилетних бульварах, о стройных аллеях вдоль дорог и проспектов, уходящих в бескрайнюю даль, об уютных парках и скверах. Но мне хотелось бы, чтобы мечтавшие о городских садах в эти августовские дни занялись заготовкой лопат и саженцев, удобрений и ковшей — вперед осень, наилучшее время для массовых посадок.

Я думаю, что озеленение городов и сел в нашей советской стране — дело большого общественного-культурного значения. Оно может быть с успехом выполнено только при условии активного участия всех граждан, от мала до велика. Каждый советский человек должен обязать себя неуклонной повинностью — посадить несколько деревьев в своей жизни.

Зеленые «спешившие братья», по выражению Золя, будут многие годы шуметь о благодеянии человека. Это будет живой памятник каждому из миллионов, который любит свою родину и заботится о ее красоте и величии.

Вопрос о сохранении лесов и о необходимости древонасаждения уже давно занимал русскую прогрессивную общественность. Сто лет тому назад А.С.Ковалевский описал в своем труде «О лесном хозяйстве» необходимость восстановления лесов в России. Воспоминания о лесу были для человека, для которого лес был не только красивым пейзажем, но и стражем человеческого здоровья. Астров сокрушался: «Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перелетела, климат испортился, и с каждым днем оселя становится все беднее и беднее». И как патрист, он удивительно говорил о своих посадках: «...Когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немаловажно и в моей жизни...»

Учитель, герой моей повести «Ветераны юности», внушает: «Мало насадить сад — его надо создать. Озеленять жилища, насаждать бульвары, парки — это творчество... Это — не просто ковыряние земли и выкапывание саженцев, это — устроение человеческой жизни, это — воспитание человека. Я отдал свою жизнь зеленому миру, потому что отдаю ее людям. Я хочу, чтобы они были прекрасны».

Если в прошлые времена лесонасаждение и озеленение городов было любительством, то в наше время великого социализма коммунистической жизни, когда вся деятельность людей обусловлена строительным, могучим планом, а общественная жизнь организована так, что каждый находит себе почетное место в труде и строительстве социалистической культуры, — дело древонасаждения и озеленения городов и сел должно быть включено в общую систему государственных и общественных работ на основе самостоятельности.

Надо с детства лет воспитывать в нашем человеке сознание, что его личное здоровье и климат его родного края находятся в его власти, что половина рек и половина красота садов и лесов — это дело его рук, что посадить дерево — такое же большое дело, как выполнить общественное задание или обязательство в

социалистическом соревновании. В наших советских условиях все можно сделать, — стоит только захотеть.

Русский народ всегда любил зелень и цветы: самые задушевные его песни как будто слагались в садах и перелесках, на зеленых берегах рек. В песнях своих русский человек — и упорный работник и певец природы.

Как хозяйка и творца своей жизни, мы обязаны преобразить природу и заставить ее служить нам.

Вспоминаю, как строители Днепротреста оживляли парками, бульварами, фруктовыми садами голую стену и гранитные скалы, покрывали площади коврами цветов. Чтобы хорошо, ударно работать, — говорили днепротрестовцы, — надо культурно организовать быт. Еще до начала больших работ по сооружению плотин построены были прекрасные общежития для рабочих и дома для инженеров, и одновременно посажены тысячи деревьев. На обоих берегах Днепра раскинулись парки, а на заводских дворах все дорожки обсажены были деревьями. И я ни разу не видел ни сломанной ветки в руках, ни сорванного цветка. Днепротрест был образцовой стройкой, где сознание промышленников-комбинаторов сочеталось с организованным культурным бытием.

Но я смотрю из моего окна на двор исторического дома в стиле ампира, с редчайшей лентой оградой. В этом старинном доме раньше помещалась школа. Обширный двор был тенистым садом. Теперь он превратился в свалку.

Меняние оккупанты наместил огромный вред нашим городам. Опасаясь партизан, они вырубали парки и рощи на городских окраинах, вдоль шоссе и железных дорог. Они превращали аллеи и бульвары в солдаты клубы или в склады боеприпасов, варварски истребляли деревья на топливо или на строительные материалы. Урон зеленым насаждениям нанесен огромный и трудно поправимый. Дому можно выкорчевать в несколько месяцев, — а она будет еще производительнее, еще краше доведенной. Восстановить же парк в такой срок невозможно, раны войны надо заживать упорным трудом в течение нескольких лет.

Настало время, когда работу по древонасаждению и озеленению городов необходимо включить в систему социалистического воспитания нашего человека. Эта работа должна быть делом чести советского гражданина. Каждый из граждан отвечает за судьбу любого дерева. Рождение ребенка, женитьба, семейные юбилеи должны ознаменовываться посадкой деревьев на общественной земле. Для каждого труженика дерево — священная реликвия. Дети и подростки должны знать, что дерево, посаженное ими, — их достояние, оно растет вместе с ними. Это — их биография.

Дети охотно любят общественный труд, а труд на земле — для них отрада. Соревнование для них — это вдохновение и са-

мые дорогие часы их жизни. Это — их рост. Сейчас, по инициативе ЦК комсомола, идет кампания по вовлечению пионеров и школьников в работы по посадке пришкольных садов. Это — прекрасное начинание. Но эта кампания охватывает только часть детей: она похожа на любительский штурм. Необходимо организовать дело так, чтобы вовлечь в работы по озеленению всех школьников и пионеров, чтобы это было такой же обязанностью каждого, как хождение в школу.

Все дело в системе. Надо связать каждую школу и пионерский отряд с трестом озеленения, организовать постоянный контакт и руководство работами. Надо в каждой школе создать штабы по древонасаждению и озеленению парков. Каждое дерево, посаженное подростком, должно быть закреплено за ним. Сад, сквер, бульвар, посаженные школой и отрядом, должны считать их имя. И тогда ни одно дерево не будет сорвано, ни одна ветка не будет сломана: это — достояние школы, отряда, каждого подростка, и на них лежит ответственность за судьбу каждого «зеленого друга».

Впрочем, эта «новинность» касается не только пионеров и школьников. Взрослые тоже должны быть привлечены к такой планомерной работе. Во многих городах уже начались серьезные кампании по озеленению улиц и дворов. Созданы квартальные комитеты. Из года в год горожане ухаживают свои кварталы, ухаживают за деревьями, разбивают цветники и во дворах, и вдоль тротуаров. И города эти зазеленели и загорелись цветами. Делание привычкой к этой работе есть у каждого из нас, недостает только системы, руководства и плана. Можно ли этого достигнуть? Не только можно, но и необходимо.

На наших глазах рождается новый тип советского села, совхозного поселка. Архитектура впервые входит в прямое соотношение с сельским строительством. Уже десятки колхозов заказали архитектурным мастерским проекты клубов, театров, административных зданий, планировку улиц и площадей. На чертежную кальку уже нанесены контуры будущих сельских парков и скверов. Делать надо!

В колхозах, не откладывая на будущее, нужно немедленно включить в план работ посадку деревьев вдоль улиц, на усадьбах, по оврагам (предупредительная мера против обвалов и оползней), по берегам рек и прудов, чтобы сохранить почвенные воды и пресечь высыхание ручьев и источников. В наших условиях пейзаж и красота — неразделимы.

Здоровье и бодрость прибудут в город вместе с зеленью, и этой раскрасочной краски сменились прохладой тенистых аллей. Благоустройство, красота, здоровье, культура быта — вот смысл и значение социалистического соревнования по озеленению страны. Это соревнование должно вылиться в могучее массовое движение.

Пусть же зеленый мир войдет своим благоуханием, чистотой свежестью в разностный шум в нашу трудовую жизнь и овеет своей красотой и пользой нашу беспоконную юность и почтенную старость.

Мустай КАРИМ

Мустай Карим — молодой башкирский поэт. Первая книга стихов Карима вышла в 1938 году. С тех пор он выпустил в сборниках. Много и плодотворно работал Карим во время Великой Отечественной войны в армейской печати. Сейчас «Молодая гвардия» выпускает первый сборник Карима на русском языке. Мы печатаем два стихотворения Карима в переводе М. Дулина.

Девушки нашего колхоза

Здесь каждой весной неизменно, В зеленом прибое раки, Черемухи белая пена Над мелководной Демой кипит.

Здесь лилия, нежась рассветом, К воде перламутровой льнет. А с лип осыпается летом Янтарными каплями мед.

Ночной отстоявшийся воздух Звонит, как большой водопад. ...Пожалуй, довольно о звездах — О девушках лучше споем.

Никто в целом мире не сходит С такой загорелой красой. Глаза их чернее смородины, Омывай холодной росой.

На смуглых плечах струится Тугое сплетение кос. Осенняя ночь не сравнится С тустой чернотой волос.

Их брови, — заметит не лишне, — Как ворона крылья взлетят. А губы, как горные вышны, В погожий созревший год.

Когда по раздолью пахнет Сиреневым ароматом, Проворнее девушек наших, Пожалуй, нигде не найдешь.

В работе они знамениты, Упорны, красны, сильны. И лучшие в мире джигиты Пожизненно в них влюблены.

И если на нашем Урале Не будешь ты лучшим из всех, Я прямо отвечу: еда ли Тебе уймется успех.

Ни слова к тому не прибавлю, Раскрасавица, скажу, Карим. Ну что же! Я девушек славлю, Пусть звезды завидуют им!

1948 г.

Звезды счастья

Дрожат земля, и звезды меркнут От орудийного огня. И вдруг седая ночь, как беркут, Накрыла крыльями меня.

В огнях, в кровавой крутоверти В атаку конники идут. И спор о жизни и о смерти Минуты с вечностью ведут.

Я тоже был на переправе. Теперь, ни мертвый, ни живой, Один в пыли, в железных травах Лежу с кровавой головой.

Не тронь меня, проклятый беркут! Земля, освободи меня! Но кровь течет, и звезды меркнут, И нет поблизости коня.

А ночь пылая, и тыма кололась, Как воронение штыки. Я вдруг услышал тихий голос, Дыханье около щек.

— Приснись, джигит! — Во мраке ночи Я не заметил ничего. Я только видел очи, очи, Как звезды счастья моего.

Зачем мне небо в метеорах И звезды северных ночей? Я на земле, где дым и порох, Нашел родник живых лучей.

Откуда ты ко мне слетела, Живую воду принесла? Кому, какие песни пела, В какой долине ты росла?

Я узнаю России милую Звезду мою, Судьбу мою. Я наливаюсь новой силой. Я оживаю, Я пою.

1942 г.

Ценности искусства — в государственный фонд!

«Антикварные изделия» — гласит вывеска магазина в Столенинском переулке в Москве. В большой комнате, в глубине магазина, можно провести часы, — пишет в «Литературную газету» доцент Московского педагогического института им. Потемкина Л. Редов. — Здесь продаются картины Маковского, Ползнова, Корниина, Шишкина, Архипова, Кустодиева, Айвазовского. Выставлено больше ста полотен.

Случайные цены. Случайные покупатели.

Поступающие в магазин картины нередко продаются в тот же день, редко задерживаются на несколько недель.

Государственная закупочная комиссия, повидному, мало интересуется этим рынком, где из рук в руки переходит большое количество русского национального искусства.

Если целесообразно и невозможно объявить государственным достоянием произведения художников-мастеров дореволюционного и советского периода, то вполне возможно и целесообразно было бы государству выступить в качестве основного покупателя этих ценностей. Пересмотр функций и объема деятельности Государственной закупочной комиссии при Комитете по делам искусств (а может быть и реорганизация этой комиссии?) настоятельно необходим.

Молодым рабочим — учебники на родном языке

С каждым годом все возрастает техническая оснащенность нашего социалистического хозяйства, — пишет старший инспектор-методист Управления освоения земель Кура-Араксинской низменности тов. П. Г. Новохайский. — Новая техника требует высококвалифицированных специалистов, особенно работников массовых профессий.

Мы в Азербайджане начали широкую подготовку новых кадров, но при организации курсов по подготовке трактористов, десятников-строителей, мельников и других специалистов массовых квалификаций столкнулись с тем, что отсутствуют учебная литература и учебные плакаты на азербайджанском языке.

Между тем, в школах механизации, школах трудовых резервов и на краткосрочных курсах обучаются десятки тысяч азербайджанцев. Учебной литературы на родном языке они не имеют. Таким образом, учащиеся лишены возможности закреплять получаемые на лекциях знания, а молодые специалисты не имеют печатного руководства для дальнейшего повышения квалификации. Им нужно дать учебники, — заканчивает свое письмо тов. Новохайский. — Работники Азербайджанского государственного издательства «Азернешр» должны обеспечить молодых рабочих учебной литературой на родном языке.

Проблема водосточной трубы

Недавно четвертая сессия Калининского городского совета депутатов трудящихся, — пишет нам тов. М. Семенов из г. Калинин, — обсудила план мероприятий по восстановлению и благоустройству областного центра. За последние шесть лет на восстановление жилищно-коммунального хозяйства г. Калинин затрачено около 97 миллионов рублей. Только за 1947 год жилая площадь города увеличилась на 30 тысяч квадратных метров. В текущем году в жилищное строительство вкладывается 19 млн. рублей.

Наряду с этими значительными цифрами, сообщенными сессии исполняющим обязанности председателя исполкома городского совета тов. Лебедевым, необходимо сказать несколько слов о такой, на первый взгляд малозначительной, детали каждого нового здания и непременно принадлежностью каждого ранее построенного, как водосточная труба. Принимая эта труба давно, по устройству очень проста: материал — кровельное железо, назначение — предохранить стены и фундамент здания от действия атмосферных вод. Об этом приходится писать ежегодно, так как идет вот уже четвертый послевоенный строительный сезон, и хочется,

чтобы эти трубы были подвешены к домам именно в этом сезоне, а не в будущем. И никто уже в этом сезоне не сможет обосновать отсутствие этих труб и разрушение зданий доводами об отсутствии материалов.

Многие здания города, построенные столетия тому назад с таким запасом прочности, который способен выдержать нагрузку в 4—5 этажей, стоят с вывалившимися углами фундаментов и стен, а каменные стены квартир первых этажей в таких домах в периоды весенних и осенних дождей промокнут насмерть. Достаточно пройти по главной улице от Советской больницы до Почтовой площади, чтобы насчитать полтора десятка таких зданий.

Спрашивается, кто дал право так относиться к государственному жилищному фонду? Что мешает, яряду с огромными капиталовложениями в новое строительство, по-хозяйски заботиться о существующем жилищном фонде?

Можно себя успокоить, что это только наше местное явление. Тогда, может быть, достаточно было бы обратиться к местным руководителям. Но ведь это не только местное явление!

Письмо ветеринарного врача

Во многих колхозах очень запущена работа по лечению животных. Эти необходимые в сельскохозяйственном производстве предметы должны как можно скорее появиться в продаже. Я считаю также, — заключает тов. Горский, — что в каждом районном центре при райветстанции должны быть устроены образцовые коновальные кузницы. При этих кузницах надо открыть школы, которые готовили бы для колхозов коновальных кузнецов.

же работать не легко: нет копытных рапиры, подков, коновальных гвоздей. Эти необходимые в сельскохозяйственном производстве предметы должны как можно скорее появиться в продаже.

Я считаю также, — заключает тов. Горский, — что в каждом районном центре при райветстанции должны быть устроены образцовые коновальные кузницы. При этих кузницах надо открыть школы, которые готовили бы для колхозов коновальных кузнецов.

Товарищ Сталин говорил на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года: «...школа — это только подготовительная ступень. Настоящая закалка кадров получается на живой работе, вне школы, на борьбе с трудностями, на преодолении трудностей».

Именно эти сталинские слова заставляли работников Молотовского университета постоянно поддерживать связь со своим питомцами, следить за их работой и помогать им в практической деятельности.

С благодарностью вспоминают инженеры учебу в вузе. Набравшись опыта на заводе, они вносят предложения: как улучшить дальнейшую подготовку специалистов, как сэкономить им время и душевные силы, как обеспечить их дальнейший рост?

Евгений Иванов хлопотает не о себе. Для него трудность познать. Он думает о младших своих товарищах, о тех, кто завтра кончит Уральский политехнический институт, кто сегодня поступает в вуз. И эта работа выражает одну из драгоценных черт советских людей — стремление освободить других от тех трудностей, которые пришлось пережить самому.

Речь идет о том, чтобы, вручая диплом и путевку, руководители вуза говорили своему воспитаннику не «прощай!», а «до свидания!», чтобы они говорили ему: — Мы поможем тебе идти в гору, а ты, направляя себя, корректируй наш труд, чтобы мы не застыли в прежних формах работы, чтобы мы не окостенели в них!

ЧЕЛЯБИНСК.

Институты на заводах

В вечерних институтах, созданных Министерством высшего образования СССР на крупных машиностроительных заводах страны, идет новый набор слушателей. Сотни рабочих — токарей, фрезеровщиков, слесарей, кузнецов наряду с мастерами и техниками поступают в заводские вузы.

Для многих студентов, занимающихся в вечерних институтах без отрыва от производства, новый учебный год будет последним. Литейщик Ворошиловградского завода И. Кабан готовится стать инженером-механиком по паровозостроению. Он перешел уже на пятый курс факультета транспортного машиностроения. Кончает институт и бригадир электриков автозавода имени Сталина И. Прокопенко. Он приобретает специальность инженер-механика по автомобилестроению.

Писатели в гостях у сельских учителей

КИЕВ. (Наш корр.). Двенадцатый «День сельского учителя» состоялся недавно в Киевской области. Около 200 педагогов школ Броварского района собрались в просторном клубе села Гоголево. В гости к ним приехали лекторы, научные работники, писатели и актеры столицы Украины.

Учителя из сел Требухов, Заворича, Княжар, Большая Дымерка и других прослушали в этот день лекции о международном положении и коммунистической морали. Писатели П. Воронко и Ю. Макаревич прочитали свои произведения, а мастера художественного слова ознакомили

аудиторию с новыми стихами А. Малышко и поэма-сатира С. Олейника. М. А. Борц — мать Вали Борца, одной из участниц «Молодой гвардии» — рассказала о славных делах краснодонцев.

Вечером в клуб пришли колхозники села Гоголево. По их поручению председатель колхоза «Червона Украина» тов. Винарский рассказал, как члены артели добились высоких урожаев.

«День сельского учителя» — интересная форма массовой работы среди педагогов — пользуется большой популярностью на Украине.

Александр ИВИЧ

Раннее прощание

1. Вот диплом, вот путевка на завод и — прощай!

Павсега? Увы, навсегда!

Вуз расстался со своим воспитанником. И где уж тут, за чередой дел, полюбопытствовать о его судьбе на работе!

Недосуг! Неудачи инженера Чеботарева начались на Челябинском тракторном с первого дня — год назад, когда она представила в отделе кадров завода путевку Сталинградского института сельскохозяйственного машиностроения. Ее направили в производственный цех — технологический, несмотря на то, что окончила она курс по конструкторскому отделению.

Первой мыслью было тогда сразу написать в институт — зачем меня направили в Челябинск, если здесь не нужны конструкторы?

Сажам сразу: молодой инженер бонуса цеха, опасаясь встречи с коллективом рабочих и мастеров, в котором надо занять командное место и завоевать авторитет.

Казалось бы, неестественна эта робость для советского человека, с первых дней сознательной жизни неразрывно связанного с коллективом и в учение и в труде. А в то же время у Чеботарева были основания бояться цеха — что-то недогодилось ей в годы учения, чего-то ей не хватало, чтобы обрести уверенность в себе.

Чеботарева подождала станция робко, потому что знала его только в чертеже, в схеме. Прошел год с тех пор, как она впервые вошла в цех, и сколько раз

за это время приходилось ей мучительно приспосабливаться к незнанию рук, то за неуменье решить практический вопрос, краснеть и переживать мучительные сомнения: уместна ли ей вообще когда-нибудь освоиться с работой в цехе?

2. Вот об этом, пожалуй, стоило написать в институт: как случилось, что ее, конструктора, так мало подготовили к работе в цехе? И уж если это произошло, то чему надо теперь в первую очередь научиться, что нужно прочесть, чтобы быстрее занять место полноправного командира производства?

По Чеботарева в это не вошла — ведь эти пороки, в институте сказали год назад «сиротам» и уже забыли о своей воспитаннице.

Конечно, в известной мере, неуверенность для молодого специалиста неизбежна во всякой профессии, как неизбежна для него трудности в решении практических задач, но все дело в мере. Когда доходит до стремления получить работу где угодно, только не в цехе, — тогда мера несомненно переделана.

А это случай не редкий. Мне пришлось на Челябинском тракторном заводе говорить с несколькими молодыми специалистами, пришедшими сюда из разных вузов, и все они в первое время были ограничены назначением в цех.

Когда говорили с инженером Евгением Ивановым — заместителем начальника одного из ведущих цехов завода, меняше всего можно заподозрить, что ему свойственна паническая робость или неуверенность. В четкости движений, в манере речи, серьезной и обдуманной, в определенности убеждений молодого инженера чувствуется сформировавшийся

командир производства. И странно было слышать, как этот спокойный и целеустремленный человек рассказывал о тяжелых днях и о тех волновых усилиях, необходимых молодому инженеру, чтобы не отказываться от принятого решения — работать в цехе, а не в заводууправлении.

Три года назад Иванов окончил Уральский политехнический институт и получил путевку на небольшой завод в Лопбассе. Его назначили мастером. Молодой специалист, получивший вполне солидную теоретическую подготовку в институте, на заводе оказался беспомощным мастером. Нужно было не только много знать, но и кое-что уметь.

— Я путал, объясняя молодым рабочим управление станком, потому что сам не умел им управлять, и мне было мучительно стыдно. Я затеивал резы — они не резали, хотя я теоретически отлично знал, как их затеивать. Я мог произвест расчет шестерен на любую резьбу, но не умел нарезать даже самую простую.

Иванов не подыскивал примеров — они приходили ему на память сразу и в изобилии. Человек хорошо запоминает горькие неудачи. А ведь институт мог его избавить от многих негдов, дав новую, более целесообразную или более общирную производственную практику на заводе и в своих мастерских!

И много раз думал Иванов: надо написать в институт, что есть какие-то ненормальности в постановке производственной практики. Надо бы попросить библиотечного совета.

Плак и Иванов хотел обратиться в свой институт. Но не обратился. Кому писать — ректору, декану? Инти оборваны. Письмо, пожалуй, возбуждет только недоумение.

3. Евгению Иванову, человеку способному, волевого, понадобилось три года, чтобы преодолеть неуверенность, обрести навы-

ки, которые следовало познать еще в период учебы. Иванов теперь хороший инженер. Институт вправе бы гордиться таким воспитанником, но институт не гордится Ивановым — не по скромности, а потому, что никто в вузе понятия не имеет, куда девался, и в чем кем работает хороший инженер Иванов.

Формально все правильно. Официальные, так сказать, отношения института с его воспитанником кончатся выдачей диплома и направлением на работу. В сущности, ведь и отношения завода к выпускнику им трактор кончатся отправки потребителю. По конструктору-то выезжают в колхозы и МТС, чтобы наблюдать свой трактор в работе, посотворяться с механиками и водителями.

Казалось бы, когда речь идет о самом драгоценном — о человеке, о воспитаннике деятельности советского общества, следует особенно тщательно и пристально присмотреться к его пути. Нужно обучать трудностям, вступающим перед молодым специалистом в практической работе, проанализировать его ошибки, чтобы улучшить подготовку специалистов.

Речь идет и о судьбе инженера, и о чести института. Разве не обязан вуз, выпускающий инженера, заботиться о своей «марке», разве не заинтересован вуз в том, чтобы завод добивался направления к ним инженеров именно из данного института? Разве не обязан институт добиваться, чтобы его диплом был гарантией знаний и практических навыков, которые нужны молодому инженеру для быстрого освоения конструкторской деятельности?

Руководителям институтов, право же, следует прислушаться к голосам молодых специалистов и поддерживать с ними связь. Инженеры могут потесниться со своими профессорами на предприятиях, предупредить будущих выпускников, — с чем придется им встретиться в цехах, к чему надо подготовиться самим, помимо лекций.

В зале Коларчевского университета

Заметки с Дунайской конференции

1.

Тридцатого июля в здании Коларчевского университета, расположенного на одной из центральных площадей Белграда, собралась Дунайская конференция. По случаю открытия конференции зал заседаний в этот день, несмотря на страшную жару, стоящую сейчас в югославской столице, был набит до отказа. На общем собрании, с трех сторон охватывающем зал, были заняты не только все места, но и проходы. Там находились гости и около ста журналистов, представляющих печать многих стран мира, участвующих, так и не участвующих в конференции.

Стоя заседания, за которыми размещались делегации, имел форму подковы. В центре подковы — место председателя, а с правой стороны — место для выступлений. Государственные флаги стран — участников Дунайской конференции.

Места за столом распределены в порядке русского алфавита. Главные делегации председательствуют поочередно, также в порядке русского алфавита. Это первый случай в практике международных конференций, так как обычно для подобных деловых переговоров французским или английским алфавитом.

Этот факт некоторые корреспонденты выискали в своих записных книжках как первую «сенсацию» Дунайской конференции 1948 года.

2.

Заседания международных конференций, коих здесь немало, особенно среди журналистов, с первых же заседаний остро почувствовали, что в зале Коларчевского университета царит совершенно иная атмосфера, чем на других конференциях последних лет. Это и не могло быть иначе, ибо на Дунайской конференции впервые большинство участников — представители коммунистических стран. Чуждые узурпаторским стремлениям, встретившимся в то бы то и стало навязывать свою волю не согласным с ними делегациям, они селились на конференцию, чтобы в атмосфере делового и лояльного сотрудничества разрешить вопрос о Дунае — реке, прорезающей огромную роль в экономической жизни именно этих стран.

Однако первые же заседания, посвященные вопросам процедуры конференции, показали, что эти деловые намерения демократических стран отнюдь не встретили должного отклика со стороны представителей США, Великобритании и Франции. Вся наша энергия делегаций этих стран направляла на организацию обструкций, являясь курс на то, чтобы наглыми ультимативными требованиями попытаться навязать остальным участникам свои желания.

Конечно, делегации западных стран не могли не понимать, что эта тактика, несмотря на ее эффективность в тех случаях, когда она применяется по отношению к безмозглым Европам и другим частям света, здесь обречена на неизбежный провал. Но, как говорится, попытка — не пытка.

На втором заседании французский представитель Тьерри предъявил конференции следующий ультиматум: «Никакое большинство, будь то простое большинство, или квалифицированное большинство, или даже большинство в 7/10, не может изменить существующее положение (т. е. не может принять новой конвенции). — Ю. З. без предварительного согласия на то всех заинтересованных стран».

Естественно, что это заявление вызвало гуд негласного ропота, протестующего по залу, — настолько оно было нежелательным и противоречило общепринятой практике международных конференций. Еще большее удивление вызвало то, что французский делегат даже не потрудился как-либо мотивировать свое требование. Он

лишь невнятно пробормотал что-то о «приобретенных правах» Франции на Дунае, не сказав, что это за «права» и за чей счет они «приобретены». Да и вообще из заявления Тьерри конференция смогла сделать только один вывод: его хозяевам в Уолл-стрит очень хочется, чтобы новая конвенция о судоходстве на Дунае была составлена в нужном им духе...

В защиту французского ультиматума осмелился выступить лишь английский представитель сэр Чарльз Пик. В отличие от своего французского коллеги, он оперировал кое-какими аргументами. Однако его аргументы оказались настолько несостоятельными и опирались он с ними так неуверенно, что после речи Пика американский представитель Бенсон поспешил заявить, что он «откалывает» свое выступление по этому вопросу.

Подождать коллегу Бенсона: он поступил благоразумно. Потому что, таким образом, американцы, когда большинство конференция решительно отвергло ультимативные требования англичан и французов, смогли сделать вид, что это их совершенно не касается. Впрочем, шло в зале не сомневался, что в данном случае американцы делают хорошую мину при плохой игре и что в действительности вся эта история с французским ультиматумом — их крупное морально-политическое поражение.

3.

Следует заметить, что в кулуарах конференции некоторые опытные долго надежды на то, что г-н Бенсон еще выскажется по вопросу о французском ультиматуме. Основанием для таких ожиданий служил весьма любопытный эпизод, героем которого оказался сэр Чарльз Пик.

Вот что произошло. Дискуссия о французском ультиматуме развернулась на заседании в субботу 31 июля. После обстоятельного выступления главы советской делегации А. Я. Вышинского конференция решила покончить с этим вопросом, причем ни с чьей стороны возражений не было. В понедельник конференция почти полностью рассмотрела вопрос о правилах процедуры и надежды на следующее заседание перейти к основному вопросу — обсуждению будущей конвенции. Велико же было изумление делегатов и публики, когда английский представитель неожиданно заявил, что он намерен во вторник выступить с ответом на «обвинения Вышинского», якобы содержащиеся в его субботней речи.

Разумеется, конференция имела полное право не разрешать английскому делегату возвращаться к вопросу, данным-давно обсужденному. Однако к просьбе Пика пошел не с формальной, а с деловой точки зрения и разрешил ему высказаться; существовала надежда, что, может быть, после столь продолжительного разлуки английский делегат скажет что-нибудь действительно заслуживающее внимания.

Увы! Достопочтенный сэр не оправдал этих надежд. В длинной речи, отягощенной с переводом добрых два часа, английский представитель не высказал ни одной новой мысли, но зато по крайней мере в пяти случаях грубо искажал историческую правду. Стремился отвлечь внимание слушателей от существа его абсолютно несостоятельного выступления, он с первых же слов намеренно принял своей речи драматический характер. Изменяя традиционную английскую лозунговитость, Чарльз Пик извергал в зал поток фраз, сопровождающих их беспорядочной жестикуляцией, в которой — в наиболее патетических местах — участвовали не только руки, но и голова оратора. От этого речь, конечно, не становилась убедительней, а лишь забавней. Неудивительно поэтому, что зал реагировал на нее всеяким оживлением.

С ответом английскому представителю выступил глава советской делегации А. Я. Вышинский. В яркой речи, изобилующей неопровержимыми фактами и точной юридической аргументацией, товарищ А. Я. Вышинский дал глубокий политический анализ выступлению сэра Пика, разбил один за другим все его сомнительные доводы и разоблачил допущенные им грубые извращения исторических фактов. Зал выслушал эту речь с исключительным интересом, причем все обратили внимание на то обстоятельство, что советскому представителю потребовалось меньше часа, чтобы дать скупительный ответ на речь главы английской делегации, готовившегося трие суток...

4.

В кулуарах конференции в Белграде часто высказываются мнения, что советская делегация на этот раз выступала убедительнее своих оппонентов. Если при этом разговору по существу слушателям окажется недостоверным, он не примет к сведению с ученым видом знатока, что успех советской делегации обеспечивается, будто бы, исключительно обилием документов, которыми она располагает.

Действительно, советская делегация, как это видно из опыта первых заседаний, располагает солидным документальным багажом.

Воруженность документами позволяет советской делегации парировать любой удар, который исходит от противостоящих ей делегаций. И не было еще случая, чтобы такой удар не был отражен. Более того, советская делегация иной раз помогает другим делегациям разбираться в их документах. Так было, например, с французами, которые безалаберно зашатались в датах собственных нот и которым советская делегация пришла на помощь, объяснив, о какой именно дате говорит француз, сами того не подозревая...

Бесспорно, советская делегация пришла на Дунайскую конференцию, как всегда, отлично подготовленной. Но секрет ее успеха заключается, конечно, не только и не столько в этом. Он кроется прежде всего в той глубокой принципиальной позиции по вопросу о Дунае, которую всегда занимала Советский Союз, считавший, что все проблемы Дуная должны решаться самими придунайскими странами с учетом возможных интересов других государств.

Именно эта ясная, логическая и принципиальная установка, отвечающая интересам придунайских народов, живящих за интересовавшихся в судьбе Дуная, положена в основу проекта конвенции о режиме судоходства по Дунаю, представленного советской делегацией. Этот проект после одобрения со стороны делегаций придунайских стран, но одновременно он вызвал ряд возражений со стороны делегаций западных стран, представители которых почти без обиняков заявляли, что им не нравится проект, ибо он выправляет к ликвидации «прежнего положения» на Дунае. Это и понятно, если учесть, что в прошлом западные державы являлись познаными хозяевами Дуная.

Советский Союз выступает на конференции как выразитель и поборник интересов придунайских стран перед лицом открытого противопоставления международных империалистов, надеющихся, что им вновь удастся наложить лапу на эту могучую водную артерию Центральной и Восточной Европы.

Заседания в Коларчевском университете показывают, что придунайские страны во главе с Советским Союзом готовы приложить все усилия к тому, чтобы выработать такую конвенцию о режиме судоходства по Дунаю, которая эффективно обеспечит на законных правах и навсегда сделает Дунай свободным от контроля со стороны непридунайских государств.

Вся эта изысканная стратегия вполне соответствовала взглядам Макадурта на «идеологическое переоснащение» японцев. Но вскоре штаб Макадурта начал проявлять признаки беспокойства. У журналистов, печатающих произведения японских декадентов, оказались опасные соперники — органы прогрессивной литературы. Они писали о том, как живут и борются сейчас миллионы простых людей в Японии. В этих журналах печатались рассказы о рабочих-железнодорожниках, которые, несмотря на запрещение Макадурта, проводят забастовки; о деревенских комсомольцах, ведущих борьбу с самураями и торговлей женщинами; о деятелях демократической культуры. Эти журналы на комер в номер заходили читателей с советской литературой.

Американский шеф японской литературы генерал Макадурт решил принять срочные меры. Но линии военной цензуры были введены новые правила, касающиеся публикации переводов произведений иностранных авторов. В результате с апреля прошлого года имена советских авторов исчезли из журналов.

В Японии нехватает бумаги. Специальный комитет по распределению бумаги раздает бумажные rationны всем журналам порою. Но так как количество изданий сильно возросло, а общее количество бумаги осталось прежним, rationны стали уменьшаться. Многие журналы пришлось резко сократить объем. Толстые литературные ежемесячники превратились в тонкие брошюры. Впрочем, это коснулось только демократических журналов, которые не имели возможности покупать бумагу на черном рынке. Смысла не лихитивку о «свободе печати», комитет охотно выдавал бумагу по преимуществу тем журналам, которые относятся к разряду буржуазных, почтографических.

Однако эти мероприятия дали несколько неожиданный для «шефа» результат: небольшие по объему номера прогрессивных изданий быстро раскупались, а грубые толстые журналы с пикантными обложками, пролежав до июня месяца на

Предвыборная завеса

На днях на пресс-конференции Трумэн заявил, что расследованием советской комиссии Фергюсона расчитана на то, чтобы отвлечь внимание общественности от инфляции.

Он сказал далее, что так называемая «шпионская коммунистическая сеть в Вашингтоне» существует только в голове исполняющего обязанности председателя комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Мундта.

Еще вчера — ретивей Мундта — Он обнаружил следы «Коммунистического бунта» И всякой прочей ерунды.

Но черный гангстер Уолл-стрит Та опозорился опять, Что президент совсем открыто Посмел об этом рассказать.

Ой, поглядите, что творится! Он даже Мундта не боится, Хоть наглым Мундта за эту речь Его к суду бы мог привлечь!

Вчера лишь — вместе с Фергюсоном — Он сел на лавку и страх. — Ставь коммунистов вне закона! Их книги надо сжечь в кострах!

Но все Лойды Уолл-стрит Та провалились в этот год, Что президент совсем открыто Им речью отпелся даем.

Ой, поглядите, что творится! Он Фергюсона не боится, Хоть Фергюсон за эту речь Его к суду бы мог привлечь!

Что президент хитроумней — Никто не знал до сей поры. Но в чем же главная причина Разоблачительной игры?

Он, как и прежде, верен ставке Реакционного пута. Но ведь теперь нужна отгадка! Пора на выборы идти!

Вы поглядите, что творится! Он даже Мундта не боится, Хоть наглым Мундта за эту речь Его к суду бы мог привлечь!

Он речью сказал подобным тоном, Что в Белый дом войти опять И снова с Мундтом — Фергюсоном В едином блоке выступать.

СЕГОДНЯ он сурово судит Песню коста и топора, А ЗАВТРА вместе с ними будет Все то же делать, что ВЧЕРА.

Вот почему он так хитроумней И даже Мундта не боится, Хоть наглым Мундта за эту речь Его к суду бы мог привлечь!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Из иностранной почты

АМЕРИКАНСКИЕ ГЕСТАПОВЦЫ

Американский гражданин Леон Джоузеф — юрист по профессии, коммунист по убеждениям. Он был недавно приговорен к году тюремного заключения и к штрафу в размере 1000 долларов лишь за то, что выразил свое недовольство по поводу деятельности «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности».

Американские гестаповцы, как сообщает «Дейли уоркер», начали пересматривать Джоузефа из одной тюрьмы в другую. С ним обращались бесчеловечно. За все время ему ни разу не разрешили свидания с женой.

Тюрьма в Милане (штат Мичиган), в которой Джоузеф находится в настоящее время, — это тюрьма, где в основном содержатся лица, осужденные за преступную торговлю всевозможными наркотиками. Здесь их 600 человек, причем многие из них рецидивисты, приговоренные к 10-летнему заключению.

Об условиях пребывания в тюрьме говорит тот факт, что Джоузеф в результате физических и нравственных пыток в течение двух недель потерял в весе около 20 фунтов. После того как Джоузеф отказался от подзавоевания ему совершенно гнилой пищи, он был брошен на 48 часов в камеру-одиночку, где не было ни постели, ни стула и где весь дневной рацион состоял из одного куска хлеба, который тюремщики просовали под дверь.

приваках книжных магазинов, возвращались обратно на склады издательства. Только за три месяца прошлого года — июль, август, сентябрь — было возвращено три миллиона экземпляров таких изданий. Все они пошли на обертку. И тем не менее свою «задачу» они частично выполняли — лишили бумаги прогрессивные журналы...

По ни пестурий нажим, ни политика «оужайшей пети» не могут показывать положения, завоеванного в народе прогрессивной литературой.

Несколько месяцев назад крупнейшая буржуазная газета «Майнинг» объявила конкурс на лучшее произведение послевоенной японской литературы. Розы жур была предоставлена читателям газеты. Им предстояло присудить «Премии культуры» путем голосования.

Литеры буржуазной литературы заранее преискаливали исход конкурса. Они уверяли, что лауреатом будет кто-либо из представителей декадентского течения, вроде Сакагути, автора скандальных повестей «Иппократ», «Тело женщины» и т. п.

Но дело приняло оборот, совершенно неожиданный для организаторов конкурса. В голосовании приняли участие самые широкие круги читателей. Премии пришлось отдать автору повестей «Равнина Балею» в «Трава казаси». В первой повести описана поездка жены революционера на свидание к мужу, приговоренному к многолетнему заключению. Вторая — посвящена жизни писательницы, которая в течение 20 лет ждала своего мужа — революционера, заключенного в тюрьму, но прекратила работу, не поддаваясь отчаянию и, наконец, дождалась его возвращения. Так читатели проголосовали за произведения, несомненно духовный подвиг и моральную стойкость передовой женщины. Первое место в литературе сегоднешней Японии было отдано Миямото Юкио, писательнице-коммунистке.

Вскоре последовал ответный ход реакции. Два с половиной года японцы ждали осуществления директивы Макадурта о

Шайка гангстера Мундта

Неслыханно провокационная и беспримерно наглая история похищения советских граждан О. Касенкиной и М. Самарина с семьей, произведенное среди бела дня воярой американских гангстеров и их белогвардейских подручных в Нью-Йорке, не может не вызвать самого гневного отклика всей советской общественности. Решительному и справедливому требованию, изложенному в заявлении В. М. Молотова, единодушно присоединяет свой голос весь наш народ, до глубины души возмущенный произволом белобандитов, орудовавших под сенью звезднополосатого флага США и пользующихся покровительством лидеров «демократии доллара».

Не может не брестись, однако, в глаза, что за белогвардейской шайкой, возглавляемой шпиком Александром Толстой, потерявшей всякое представление об элементарной человеческой совести и не побоявшейся втоптать в грязь американских притонов даже имя своего великого отца, мчатся фигуры явно иного и притом «истинно американского плана». В их числе громилы Мундта — самый крупный гангстер среди гангстеров и едва ли не самый известный гангстер среди гангстеров.

Всюду в США, где пахнет скандальной политической провокацией или многоэтажной ложью, — ищите Мундта, и вы не ошибетесь. Неудивительно, что и в данном случае исполняющий обязанности председателя комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и автор драконовского «законопроекта», направленного против всех прогрессивных сил в США, Карл Мундта оказался вдохновителем этого гнусного дела.

Что же представляет собой этот гангстер от политики, в «деловой» физиономии которого, как в зеркале, отражена вся Америка Трумэна — Дьюи, страна суда Линча, «обезьяньих профессов» и усовершенствованных автоматических научных систем Эдгара Гувера, главаря федерального бюро расследования — американской охранки?

Много лет назад, еще будучи номинально школьным учителем в штате Южная Дакота, гангстер Карл Мундта уже орудовал как ростовщик и столь неистово воскалала на всех перекрестках фанатизм, что его зычный голос был услышан не только «боссами» штата, но и кое-кем повывше.

Крупный капитал взял «подающего надежды» громилу «на заметку» и решил к нему присмотреться. Мундта, узнав об этом, пришел в неописуемый восторг. Когда в 1938 году штат Южная Дакота должен был послать депутата в конгресс, Уолл-стрит указал перстом именно на него. Среди лиц, внесших немалые суммы в тайный фонд для обеспечения прихода Мундта в конгресс, были «борон хили» Ламонт и Ирене Люпов, семья «король нефти» Шью, газетный магнат и один из самых мажорных реакционеров Макарти, наконец, дочь «экономического короля» Роберта Медсона. Они сделали свое дело: на политическом аукционе в штате Южная Дакота «победителем» оказался Карл Мундта.

Так на доллары, щедро отпущенные финансируемой верхушкой Уолл-стрит, Карл Мундта купил себе «право» в качестве «политика» намыться над американским народом, угрожать силой демократии и прогрессу; став в последнее время во главе пресловутой «комиссии», он избрал своим «советником» главного приказчика Моргана — основателя фашистской «Лиги свободы» Джона Дэвиса и под его руководством открыл бешеный огонь по всему, что не угодило владикам американских монополий.

Не санином ли, однако, большую честь

привлечения к ответственности военных преступников, в частности, тех, что славно вступили японскую агрессию. И вот в день опубликования декларации нового премьер-министра Асиды в «Правительственном вестнике» появился список гангстеров, составляющих основную группу «идеологических военных преступников». В списке фигурировали 270 фамилий. Правительство запретило им занимать официальные должности и писать статьи на политические темы. Но не это, в сущности, является главным. Ибо все эти фамилии не претендуют на должности в министерствах. Достойны внимания третий пункт «притворства», гласящий, что этим идеологическим военным преступникам предоставляется право беспрепятственно заниматься художественной литературой. И так как большинство «осужденных» всегда отказало предпринять беллетристику, решение правительства Асиды равносильно приговору «судить шкуру».

Японцы в таких случаях применяют и другие сравнения. Газета «Токко Симбу» заявила, что этот приговор означает, что «тигров выгнали в поле». Та же газета пишет по поводу комедии суа, что это лишь «магнер с пелью укрепления реакционной культуры».

Но 270 фашистских «тигров» не спасут положения. Прогрессивная литература, в авангарде которой идут 500 писателей — членов Лиги демократической культуры, в противовес литературе, поощряемой американскими «медведями», опирается на широкие массы японских трудящихся. Это подлинно народная литература. Ее не затравить «тиграми», немцами писателями, которые вчера служили фашистской войне, а сегодня пресмыкаются перед новым хозяином, давшим им амнистию и доллары.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Р. КИМ

«ТИГРОВ» ВЫГНАЛИ В ПОЛЕ...

Перед нами жизнеописание одного молодого человека. Во время войны его мобилизовали, он пошел в строительный батальон, возводил укрепления на передовке. Он работал изо всех сил. Но однажды утром офицер, командовавший батальоном, собрал всех перед репродуктором. В гробовой тишине они выслаивали указ главы страны о капитуляции. На этого героя охватило отчаяние, он не хотел привыкнуть к ужасной для него новости. В этот момент откуда-то издалека доносился до него странный звук: «тока-тон-тон». Он произвел неожиданное действие — он освободился от угара войны.

Но каждый раз, когда он начинает заниматься чем-либо, — спортом, политикой, спекуляцией, учебой и т. д., — доносится проклятый звук, и у него пропадает ко всему охота. Наконец, молодой человек решает покончить с собой, но и это ему не удается. Опять: «тока-тон-тон...». Самоубийство кажется ему глупой комедией. И тогда он пишет письмо одному писателю, просит дать совет: как справиться от преследующих его звуков и найти место в жизни. Концовка рассказа: писатель советует автору письма обратиться к богу, может быть, с его помощью удастся избавиться от «тока-тон-тона».

Таков рассказ «Тока-тон-тон». Автор не объясняет, что означает это звукоочетание, но дает понять, что это символ разлагающего сепсиса, антагониста человеческого воли к любому действию.

А вот другой рассказ под названием «Гипнотизм чан». Герой рассказа Ники — котоперский служащий. Живя для него утрачена всякий смысл. Война окончилась, растет рабочее движение, всюду происходят демонстрации и забастовки, но Ники считает все это бессмысленной возней. Он пребывает в состоянии пол-

ной апатии, не ощущает ничего, кроме безысходной тоски. Однажды он наливается и, возвращаясь домой, видит большой гипнотизм чан, перевернувший вверх дном. Ники осмыслила блестящая мысль: а что, если залезть под чан? Он так и поступает и обретает долгожданное блаженство.

Вы спрашиваете: откуда это? Из английского декадентского журнала «Хорайз»? Или из органа французских марксов «Де тан модерн»? Или из очередного сборника американских повестей?

Или то, ни другое, ни третье. Оба рассказа написаны вертикальными строками, пишущими справа налево, и для того, чтобы прочитать их, надо знать не меньше 1.200 иероглифов. Автор первого рассказа — Дайдай, второго — Тейсина. Рассказы взяты из токийского журнала «Гундо», в котором печатаются сочинения ведущих писателей сегоднешней японской литературы, находящиеся под покровительством штаба американских оккупационных войск.

С благословения генерала Макадурта, взявшего на себя руководство «идеологическим воспитанием японцев», в литературе «страны восходящего солнца» быстро возникли и жизни декаденты всех мастей, человеконенавистники, специалисты по разложению душ и умов, которые в последние годы находились на обслуживании у военно-фашистской литературы. Эти, с позволения сказать, «писатели» вступили даже в весьма своеобразное сотрудничество: кто покрывает, позабывает ошметку человека и доказывает бессмысленность его бытия. Камбояса, например, вышел в своих «творениях» галерею душевнобольных. Ода отдал предпочтение развратникам, Сакагути — людям, пропившимся презрением ко всему миру и считающим единственным своим жизненным принципом отсутствие всяких нравственных устоев.

ФАКТЫ

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

В СТРАХЕ ПЕРЕД ДИККЕНСОМ

Корреспондент агентства Рейтер сообщил, что в Малайе цензура запретила демонстрировать более 50 фильмов, содержащих сцены народного возмущения, так как, по ее мнению, «в настоящий момент азиатским зрителям опасно показывать такие сцены».

Недавно по приказу колониальных властей был снят с экрана фильм, сделанный по роману Диккенса «Повесть о двух городах». Основанием для этого послужил тот факт, что фильм содержит эпизоды из истории Французской революции.

ИЗ-ПОД ПАЛКИ

О моральном состоянии марко-фашистской армии Греции можно получить некоторое представление из приказа командира 17-го батальона майора Бутоса, который приводится здесь в выдержках: «Мы констатируем, что подавляющее большинство офицеров и солдат ежедневно под разными предлогами стремятся остаться в тылу, а при задержании приводят совершенно безосновательные, а часто даже абсурдные доводы.

В подтверждение аргументов они ссылаются также и на то, что не приспособлены к тактике нынешней войны. Есть и такие, кто приобретает ко всяким бесчестным уловкам и ухищрениям, чтобы уклониться от ношения славной формы солдата».